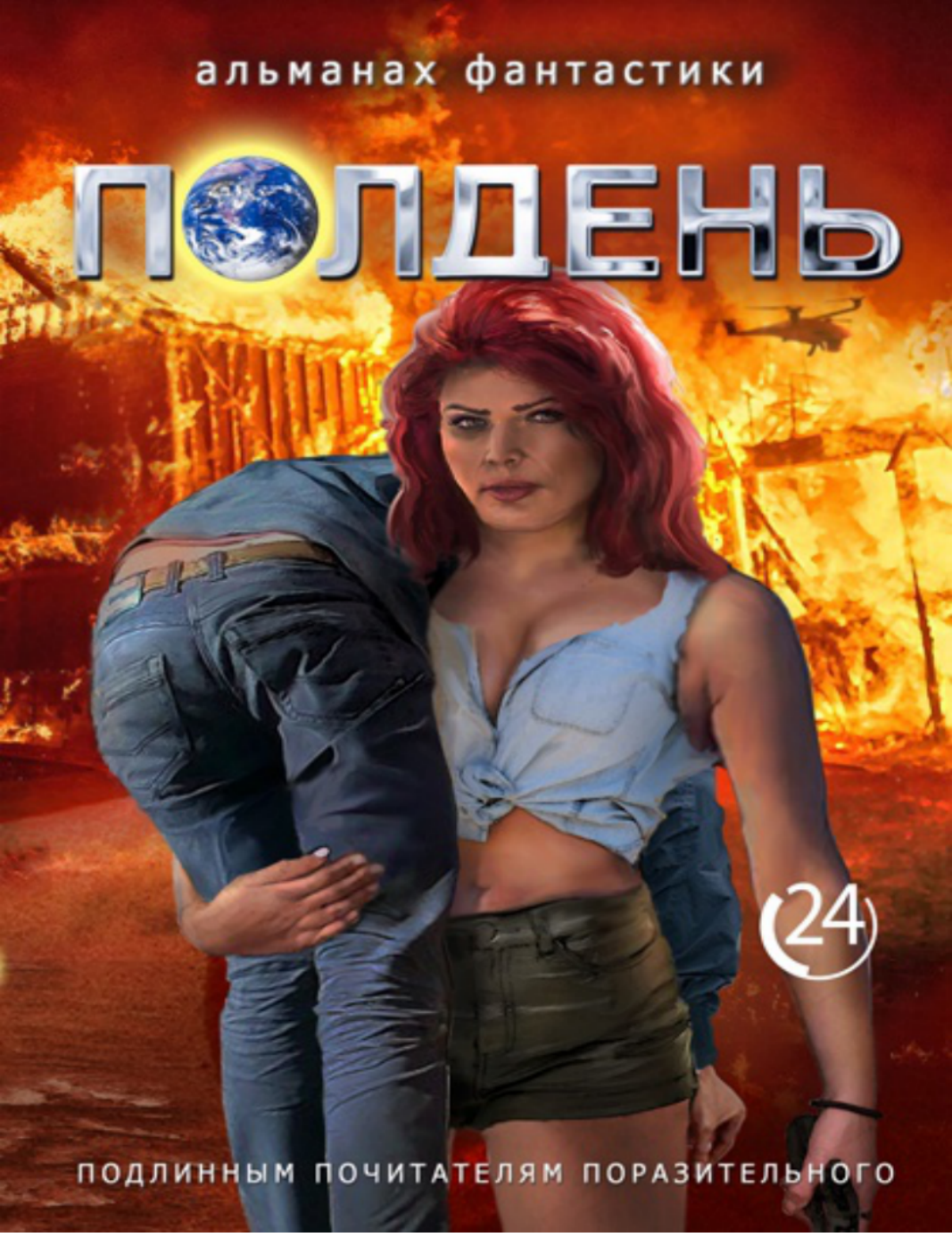
альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ



24

ПОДЛИННЫМ ПОЧИТАТЕЛЯМ ПОРАЗИТЕЛЬНОГО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мир, в котором вы никогда не будете знать, где правда, а где ложь, где иллюзия, а где факт, уже наступает. И вы сами отвергнете реальность, потому что нереальность будет вам хороша и приятна. Кто-то назовет это восьмым днем творения, кто-то царством антихриста, а кто-то наивысшей стадией капитализма, который овладев вашим рабочим и вашим свободным временем, овладевает и вашим сознанием. Виртуальная, сконструированная жизнь, похожая на прекрасный сон, заменяет реальность у обитателей некой лимитрофной «молодой демократии» под названием Междуморье. Эта жизнь доступна по цене, не требует никаких гарнитур и сидения у экрана. Праздник, который всегда с вами, в вашем черепе. И обыватель даже не догадывается о технической, политической и коммерческой стороне дела; он просто хочет жить в сконструированном для него лучшем мире.

- Александр Тюрин. Оборотень XXI века
  - 1. На приеме
  - 2. Непутевая поездка
  - 3. Гостья
  - 4. Шпильман
  - 5. Передерий
  - 6. Двойник
  - 7. Возвращение
  - 8. После возвращения
  - 9. Дело было в VR

Александр Тюрин. Оборотень XXI века

1. На приеме

– Я в ходовой рубке. Внезапно из тумана появляется другое судно, которого не было на экране радара, идет пересекающимся курсом. Даю, конечно, команду «полный назад», но инерция-то будь здоров. Понимаю, что сейчас будет столкновение, и просыпаюсь. Сердце при этом колотится вовсю. В последнее время такое случилось раз десять. Не сон, а настоящий сериал.

– А как, господин Белкинс, вы можете описать другое судно? С черными парусами или что-то вроде?

Спрашивающий имеет характерную внешность высокооплачиваемого врача. Ухоженный, прилизанный, улыбочка как приклеенная. Судя по вопросам, думающий сейчас о чем-то более интересном, может быть, совместном отдыхе с блондинкой.

– Нет, доктор, не «летучий голландец», а обычный сухогруз. Ничем не отличающийся от того, на котором нахожусь я. Можно сказать, копия. И я вижу на мостике другого судна кого-то похожего на меня.

– В вашей жизни было, так сказать, травмирующее событие?

– Да, доктор, ещё какое. Четверть века назад, в другой стране. Авария на море.

Боже, кому я говорю. Его пациенты с глянцевыми физиономиями имели только «аварии» в кровати – когда не встаёт даже на дорогую проститутку.

– Господин Белкинс, вы более двадцати лет назад вернулись из Восточной империи в Междуморье, сменили специальность, продолжили разработки вашего отца, достигли большого успеха. Ваше возвращение на родину было связано с той психологической травмой?

– Давайте, дорогой доктор, поговорим об этом как-нибудь в другой раз. Мне пора – труба зовёт.

Да уж точно «дорогой», не в переносном смысле. Я лучше сам себе психиатром побуду.

– Хорошо, господин Белкинс, мы пока что попробуем другой препарат, селективный ингибитор моноаминоксидазы. И очень рекомендую продолжить нашу беседу.

Попробует он, нашел себе подопытную зверюшку. А какой офис себе отгрохал этот айболит – фонтанчик из сверхтекучего жидкого гелия, светящиеся как фонарики растения, в аквариуме прозрачные рыбки с пестрыми глазками-бусинками. Одна медсестра-андроид чего стоит, расторопная, не знает усталости, два режима, с подогревом до 36 и без. Куда там до неё любой медсестре из жиров и белков. Ей не надо жрать, пить, нести чушь

и намазывать на лицо килограмм косметики. В качестве бесплатного бонуса способна любить шефа, двадцать поз в верхней позиции, тридцать в нижней. Не забудь её только к розетке подключить.

Когда я спустился в гараж, мне показалось, что-то мелкое мелькнуло среди припаркованных машин, туда-сюда. И опять сердце словно порывом ветра качнуло.

Если бы это «что-то» шмыгнуло по полу, то можно было списать на крысу. Но оно промелькнуло на высоте метр-полтора. Может быть, дрон-яблочко с циклическим движителем? Нынче кто только их не применяет; даже супружницы для слежения за своими благонравными – не ходят ли налево, в пункт проката секс-кукол. Вьетнамские «яблочки» стоят двести баксов, не больше.

Я подошел к своей машине. Две недели назад выложил за нее немалые бабосы, а сейчас смотрю на её акулообразные обводы и чувствую ноль удовольствия. Охотнее бы уехал отсюда на ржавом велике, лишь бы не было говна в голове и сердца, «бьющегося, как птица в силках» – из сценария сразу приходит готовая фраза.

– Куда желаете? – спросил борт-пилот неопределенным голосом среднего рода .

– В лучший мир, – недобро отозвался я.

– В моей базе данных значатся три места под названием «лучший мир», – бодро известил борт-пилот. – Студия интимного массажа, похоронное бюро и центр эвтаназии.

– И чтобы ты выбрал, ведро с железками? Тебе бы я порекомендовал для интимного массажа мартеновскую печь. А теперь заткнись и передай управление мне.

– Есть, мой капитан.

Тьфу, лексикон для болванов. Я ему, что, кастрюлеголовый, который строит из себя крутого парня?

– А что происходит с твоим голосом? Устанавливаю его под Высоцкого, а на следующий день опять слышу вот это.

– Это оптимальный голос, согласно настройкам, сделанным в момент покупки.

Как-то не припоминаю, чтобы эти визгливые интонации мне понравились в момент покупки.

– Так, железяка, изменил голос по-быстрому. Чтоб под Высоцкого, и никакого отката.

– Для этого требуются права корневого пользователя, а у вас их нет, – с удовольствием заявил борт-пилот.

Сюрприз. У меня нет прав корневого пользователя, после того, как я отдал кучу своего бабла за эту тачку? Всё понарошку в этом мире.

Так, пора расслабиться, вдох-выдох. У меня ведь куча работы, которую надо сделать до завтра. Особенно по сериалу «Рыцарь Вдариус против восточных варваров». У Вдариуса стали происходить раздвоения и утроения личности, и он одновременно рисуется в постели любовницы, на поле брани и на пирушке. Надо разбираться с сюжетной матрицей, отчего в ней завелась шизофрения. Вдобавок орк Колюпан ведет себя предельно тупо, то и дело подставляется под колюще-режущие предметы. А ведь Вдариус должен грохнуть его лишь через пять серий, разрубив на пять частей. Похоже, Колюпан совсем не хочет сражаться, поэтому и ноет, как заведённый: «Силушек жить больше нету. Деревни наши пожгли, женок снасильничали, деток увели». На сочувствие напирает, будто не злодей. Надо у него эмоциональный блочок проверить и прикрыть генератор словесного поноса. Может, это программист Миша шутить изволить, хотя я раньше за ним такого не замечал.

Надо работать – а в голове каша, поверх которой туман, и сердце дрыгается. И почему мне хочется в сортир каждые двадцать минут?

Пожалуй, остановлюсь, отолью на обочине и вперед. Наблюдателей вроде не видно.

2. Непутевая поездка

А дождь-то неслабый. Вообще-то я дождик люблю, он разгоняет рекламные пузыри с мерцающими надписями на боках: «Моя трехмерная норка ждет тебя. Твоя мышка. Sex over IP». Но пока я торопливо отливал на обочине, вымок весь. А когда садился в машину обратно, заметил, что зритель-то был, точнее зрительница. Она стояла на противоположной стороне дороги в модном плаще из секонд-хенда. И, хотя не рукоплескала, но делала такие энергичные знаки, какие подошли бы твоей старой училке, которая не видела тебя с прошлого века.

Наверное, женщина хочет, чтоб я её куда-нибудь подбросил. Так-то я никогда не останавливаюсь, когда сигналят на дороге. В прессе полно фоток, показывающих, какие искусно изуродованные трупы получаются из добродушных водителей. Тому череп просверлили сзади, этому пиписку откусили спереди. Но сейчас выходит, что остановился-то я сам. А гражданка меня застукала за таким неприличным делом. Если её не подберу, то, оказывается, что я мщу бабёхе предпенсионного возраста, которая, пуская сопли, мокнет под дождем. Ладно, просигналю ей, давай живо сюда, шевели дряблыми булками.

В кабине оказалось, что она не такая уж пожилая. Точно не старше меня. Когда она скинула капюшон, то засветилась ярко-рыжая шевелюра, даже заблистала – без фотоники не обошлось. У рыжих часто излишний жирок, и у этой явный перевес – но, по крайней мере, булки не дряблые. Пахнет от неё нормально – не убойными афродизиаками, как от жриц любви, и не сырым вонючим тряпьем, как от бродяжек. Однако фингал под глазом, припорошенный старомодной пудрой, говорит о её непростой биографии. Пожалуй, она похожа не на училку, а на типаж вечной невесты, которая не первый десяток лет ищет «свое счастье», увеличивая алкогольный лимит с каждым новым женихом, найденным в подворотне.

– Вам куда, женщина?

– А вам, мужчина?

Это уже похоже на неуклюжий флирт.

– Вы же не из Одессы, чтоб отвечать вопросом на вопрос. Если вы не работаете в бюро придорожных услуг, могу вас подбросить, недалеко. Или до автобусной остановки.

– Мне на улицу… Калиновского, – не без раздумья сказала она.

Крюк надо сделать где-то на двадцать минут, да и район непригожий. Но почему бы не поработать недолго добрым

самаритянином. А, может, мне просто не хочется влезать по уши в работу и я оттягиваю «приятный момент»?

– Если хотите согреться, то в бардачке бутылка коньяка.

Она не отказалась. Хорошо так всосала, профессионально – я уж думал, вообще не оторвется от горлышка – потом сказала:

– За вами слежка, мужчина.

Да, вижу, глазастая ты моя. Один дрон спереди, другой сзади. По форме и сигнальным огонькам – вьетнамские дешевки, а вот по скорости и маневренности что-то другое. Похоже, спецслужбистские, которые маскируются под вьетнамские «яблочки».

Я машинально прибавил скорость и борт-пилот мне сообщил своим оптимально-противным голосом:

– Хозяин, напоминаю, что вы рискуете потерять сцепление с дорогой. Разрешите взять управление на себя.

Ты мне сейчас совсем не нужен. Начнёшь зудеть, что я еду домой неоптимальным маршрутом.

– Хозяин, – хохотнула явно повеселевшая женщина, – заводов, газет, пароходов.

– У вас какой номер дома, милая? – холодно спросил я.

Вопрос оказался для попутчицы непростым и на её лице отразилась работа мысли.

– Это в конце улицы.

– Вы не знаете номера? А вы точно там живёте, женщина?

– Забыла, оттого что не живу там постоянно. И чего такого? Я всё забываю, – и снова хохотнула для убедительности.

Такой ответ вызывает подозрения, не связана ли она с этими дронами, которые сегодня вертятся рядом со мной.

– Я вас определенно узнала. Ага, попались, Белкинс – ваша фамилия, – вдруг заверещала попутчица, словно ее стали подкачивать насосом через задний проход. – С вами интервью было на каком-то сайте и фотка ваша там имелась, отфотошопленная, без висящих щек.

Это она меня переключает на другую тему, что ли?

– Прекрасная незнакомка, я тоже умею критиковать чужую внешность, в том числе возрастное сползание жирового слоя в нижнюю часть физиономии. По крайней мере, я не трачу деньги на реставрацию своей будки.

– Я про другое. Вы ж разработчик этих мозгомоечных VR-сериалов: «Рыцарь Вдариус», «Гетман Кибадачный», «Лесные братья», «Смертельный поцелуй пани Зоси». Во всех версиях. Вдариус с тактильными коннекторами и без них. Кибадачный с техномагией и без. «Пани Зося» в стиле хентай для гетеросексуалов, с секс-коннектором. И под названием «пан

Засос» для голубых – с ректальными вкладышами. «Лесные братья» с запаховым интерфейсом; от них пахнет лесом и костром, а от их противников несёт говном и перегаром. Версии для тупых с одними аркадами, бжик-бжик, пиф-паф; и для умных – с ветвлением сюжета, где я запутываюсь на втором повороте. Впрочем, эти умные – тоже тупые. Для того, чтоб радостно потреблять такое, надо иметь максимум одну извилину.

VR-ненавистники – они такие. При всей своей ненависти обсмотрели все сериалы. Ладно, объясню незлым тихим словом, я не гордый.

– Человеку хочется быть победителем и покорителем, не находите?

– Раньше про таких говорили – комик в жизни и герой на сцене, – хихиканье попутчицы напоминало стрёкот сороки, которая будит вас поутру.

– Да будь он хоть козёл в реальной жизни. Есть такая книга – Махмут фон Графен «Как дать людям всё то, чего у них нет и никогда не будет», мы действуем по ней, и вам советую прочитать.

– А если, господин Белкинс, этот самый человек однажды сравнит героическую жизнь в виртуале и реальность, где он регулярно получает звиздюдей?

– Сопоставляет и не однажды, поэтому старается оставаться с нами, в виртуале.

– Тогда он никогда ничего не будет менять в реале! – сказано было с напускной горячностью, но впечатление создавалось, что дамочка играет, и это её не слишком волнует.

– Народ такую реальность и создал, в которой ничего невозможно изменить, хоть дважды в год празднуй с фейерверками взятие Москвы гетманом Жолкевским. С тех пор, как восточные варвары перестали гнать через Междуморье газ и послали нас подальше. Зато благодаря VR-проектам нашей фирмы страна в десять раз устойчивее, чем восточный сосед, которого постоянно колбасит. У них есть и атомный ракетный двигатель, и обитаемая станция на Луне, и плейстоценовый парк в Сибири с восстановленными мамонтами. Но поскольку полномасштабные виртуалки у них запрещены, их люди считают, что живут в неправильной стране с неверной историей. А у нас все уверены, что они замечательно свободные и могучие личности, потомки героев.

– Вы сами такой же силач понарошку? И при встрече в постели с интересной дамой, говорите ей: «Давай лучше, золотце, VR-сериальчик заценим».

Вообще-то она понемногу хамит мне. Все-таки тяжело быть

добрым самаритянином. Это в последний раз, обещаю.

– Ой, простите, господин Белкинс, вижу, задела. Ясно же, что вы реальный покоритель водяных матрасов и дамы от вас визжат. Тем не менее, вы обслуживаете интересы элиты, которой так удобнее управлять массой.

Рыжая никак уняться не может. Из леваков, что ли? Впрочем, и я таким был, пока не положил первый свой миллион на банковский счёт.

– Женщина, а элита причем? У неё и так всего хватает. Мы даём самым простым людям то, что они хотят и никаким иным образом не смогут заполучить.

– Ага, жизнь, как прекрасный сон.

И что в этом плохого, дворняжка? Неужто ты предпочитаешь сны-кошмары?

– Мы отказались от игры, потому что в ней можно застрять на нижнем уровне, потратить последние деньги на чит-коды, продуть и истерить от этого. Мы отказались от сценариев вроде «Пятницы на необитаемом острове», так как для большинства исполнять команды «найди то, найди сё» – это скукота. У нас есть VR-сериалы с твердой научно-фантастической основой, например: «Тахионный звёздопрыг “Мрия”». Но тут психологический барьер, все знают, что граждане Междуморья никакой космос осваивать не будут. Да, у нас всё, действительно, как в приятном сне, в котором вы умеете летать под потолком и проходить сквозь стены. Только сон купить невозможно, а нашу VR-жизнь вполне. Мы и большие скидки даём постоянным клиентам.

– И сосёте из них деньги каждый день.

Вай, какая обличительница, уже и прокурорские нотки в голосе прорезались. Тебе самой позволь присосаться, тоже денег насосешь мешок.

– Я сейчас зарыдаю от сочувствия. Но только социально слабым пользователям это удовольствие оплачивается государством, согласно закону об «Обеспечении виртуальных зрелищ», и различными НПО, вроде «Общества по борьбе с реальностью». Между прочим, у нас половина доходов из-за рубежа идет. Наш «Цифроимператор Ци» неплохо зашел на китайский рынок. Мы сделали движок для индийского сериала «ВРамаяна», в который влез с головой английский премьер-министр Вимана Сингх, и, судя, по слухам, не вернулся.

– И для Америки что-нибудь сделали, наверное?

Подначивает, что ли? А я перед ней распинаюсь, шаркая ножками.

– Для заокеанских инвесторов мы создали заоблачный сервис «Параллельные миры». Человек исполняет в автоматическом

режиме, то есть бессознательно, все обычные дела, ест, ходит в магазин, на горшок, и в это же время ему представляется, что он герой, сражающийся со злодеями и любящий красавиц. Благодаря чему у нас появились деньги, чтобы распространить этот сервис и на нашу страну.

– А вы точно богатенький, – совсем без обличительного тона произнесла рыжая.

– А вы, похоже, угомонились и поняли, что если не мы, тогда другие. На Земле около девяти миллиардов людей, которым никакая реальность не катит, в ней не хватает пикселей, в ней ничего нельзя добиться, потому что просто работать негде. Андроиды и прочие полезные автоматы не только производят другие автоматы, но и вытирают задницы старичью и воспитывают малолеток, что было раньше прибежищем хоть как-то оплачиваемой рабочей силы…

В этот момент – а мы как раз сворачивали – дрон-подлюка, вынырнув откуда-то сверху, оказался прямо перед передним стеклом моей машины и брызнул мне в зрачки струйками едкого света. Руки мои дернулись, я понял, что не вписываюсь в поворот и левые колеса оторвались от дорожного полотна. Потом удар и оглушительный скрежет бортом о раздолбанный асфальт. Подушка безопасности втиснула меня в спинку кресла. С минуту мне казалось, что не могу дышать. Притом меня это не слишком беспокоило, тело чувствовалось не совсем моим. Окружающий мир стал плоским, как экран, словно отделился от меня. А время потеряло нормальный ход, образуя какие-то завитки.

3. Гостья

Когда пришел в себя, левая дверца была сверху, как люк у танка; машина уютно расположилась на правом боку. И заткнувшийся борт-пилот стал, в самом деле, ведром с железками. Попутчицы в кабине не было. Вместе с ней исчезли мобильник и бумажник, нет ни в карманах, ни в кабине. Я отстегнул ремень, прилично ударился головой о правую дверцу, и пару минут спустя, чувствуя тошноту, стал выбираться через импровизированный люк. На свежем воздухе, под дождем, тошнота ушла, но теперь каждый вздох отдавался болью в ребрах, а каждое движение головы – чугунной тяжестью в затылке.

Под свинцовым небом было совсем мокро и сумрачно. Какая-то машина пронеслась по дороге, обдав брызгами, и не подумала остановиться. Нехороший это район, и все стараются пролететь его на полной скорости, чтобы не получить кастетом в торец или заточкой в ухо.

А строения неподалеку я узнал. В допотопные времена – научно-производственное объединение из системы советского «Запмаша». Тут мой папаша трудился. Когда пришла «свабода», строения поделили меж собой десятка три фирмочек. Научно-производственная деятельность у них вскоре накрылась медным тазом и здесь остались только какие-то магазинчики. Но, в конце концов, местный криминал сожрал и эту мелкую живность. Так что сейчас всё стоит пусто-голо и никакого инвестора сюда не заманишь самым расчудесным бизнес-планом.

Я сделал несколько шагов по сырой серой траве, прошел по рухнувшему забору. Прямо передо мной было приземистое мрачное здание цеха. Угадать, заброшенное или еще имитирующее активность, было невозможно. Асфальтовая дорога, ведущая к нему, давно разбита и заросла бурьяном, который доламывает покрытие. Но около самого входа как будто подметено. И в урне вроде свежие хабарики. Возможно, внутри сидит существо, у которого можно будет выпросить телефон.

Я прошел по коридору, слегка подкрашенному светом одинокой неоновой лампы. Большинство дверей не закрыты, но за ними только грязь и запустение, там и сям кучки окаменевшего говна, указывающие на стоянки первобытных людей, то есть бомжей.

Может, на втором этаже кто-то есть? Я поднялся по дряхлой лестнице, явно угрожающей рухнуть подо мной и унести прямиком в тартар. А на втором вспомнил, что бывал тут уже. Когда в школе учился, точнее, изображал учебу. На первом этаже

было опытное производство, на втором конструкторы штаны протирали, плюс бюро технических переводов.

Я отворил одну из дверей. И в этом помещении бомжары креативно порылись. Опрокинутые шкафы, потрескавшийся старорежимный монитор, раздерганные волоса проводов и кабелей. Пыль, образующая кучевые облака из-за любого прикосновения. Пожелтевшая бумага, исписанная рукой и разлетевшаяся как осенняя листва, в том числе использованная бомжами – с характерными коричневыми «письменами». Чертежи на ватмане, документация, распечатанная на игольчатом принтере, и даже, Бог мой, на пишущей машинке – где нынче такое найдешь?

Может, поддатый сторож иногда и забредает сюда, но сейчас живых здесь нет. Я двинул к выходу и поскользнулся, по счастью, не на дерьме, а на какой-то стопке бумаги.

Машинальный взгляд на верхний лист – и он мне показался чем-то знакомым. Это ж описана матрица первичных эмоциональных реакций на оптические раздражители. А вот схемы поведенческих алгоритмов. Похоже, тут разрабатывался VR-интерактив. Причем в допотопные времена игольчатых принтеров. Или мне кажется? Захвачу с собой, пожалуй, гляну на досуге. Только найду папку и сгребу бумаги.

Сунув толстую папку под мышку, я вышел на улицу. Напряжение прошло, я просто чувствовал себя выдохшимся. Совсем стемнело. Ладно, до дома где-то час бодрого хода.

Добрёл за два. По дороге меня пару раз пытались побить и ограбить, и один раз пообещали сексуально использовать – какой-то говнюк сильно толще меня. Но удар увесистой папкой по налитой физиономии насильника положил конец наглым посягательствам. Это я, кстати, из сценария взял – от стопки бумаги синяков не остается.

Открыл дверь дома своей биометрией – по счастью, утром настроил электронного привратника на распознание моего зрачка – и упал грязной мокрой кучей на пол в полном изнеможении. Велел привратнику, чтобы сообщил в полицию о месте аварии, а сам завернулся в коврик и собрался заснуть на месте.

И вдруг зуммер, кто-то хочет прийти в гости. Не хочу ни с кем общаться, провалитесь все.

– Включи интерком, – сказал я, тем не менее, привратнику.

Судя по хрипловатому голосу, на который оказали воздействие алкоголь, курево и привычка орать по любому поводу, у дверей ненавязчиво тёрлась моя недавняя попутчица с припудренным фингалом.

– Впустите меня, пожалуйста, хочу вернуть ваш мобильный и

бумажник. Я всё объясню, – интонации были просящими и трепетными.

– Слушайте, чувствую я себя погано. В значительной степени из-за вас. Бросьте мобильный и бумажник в почтовый ящик. Объяснения как-нибудь потом. Если всё окажется на месте, я не буду подавать заявления в полицию.

– Впустите меня и я вам помогу. Я работала медсестрой.

– А я думаю, что вы работали кикиморой болотной и специализировались по доставке несчастий. Именно таким голосом просят впустить в дом посланцы ада.

Я глянул на экран видеонаблюдения. Двухканальная камера не показывала ничего примечательного на полсотни метров. За исключением самой дамы, которая сейчас напоминала вымокшую кошару. Непонятно, как она пересекла охраняемый периметр нашего квартала для богатеньких, где кругом и дроны, и видеокамеры, и патрули. Но свои цацки я хотел бы получить обратно. Богатые ж, как правило, жадные.

– Ладно, впусти ее, – сказал я привратнику, – только проверь терагерцевым сканером на закладки.

– У сканера постоянная ошибка со вчерашнего дня.

– Да, чтоб тебя, нескладный. Ладно, просто впусти ее. Она могла меня спокойно грохнуть, когда я был в отключке.

Едва она вошла, меня снова стало тошнить, наверное, от её вида и дурных воспоминаний. А когда я вышел из сортира, то незваная гостья уже основательно пошастала по дому. Сделала чай, бутерброды и даже положила на стол в кабинете ту самую папку с бумагами, которую я притащил. Как «бывшая медсестра», она заглянула мне в зрачки, расширенные ли, и пощупала шишку на голове.

– Сотрясения нет, или есть, но небольшое, – уверенно заявила и тут же спросила с интонациями неискушенной крестьянки. – А неплохой у вас особнячок, вы один во всех комнатах живете?

– В некоторые и не вхожу никогда.

Жую я бутерброды – а руки у нее ловкие, даже догадалась, что надо на них петрушку положить, и это мне нравится – вместо тошноты нарисовался аппетит. Смотрю, как она носится по кухне, делая омлет, и притом быстро въезжает, где и что лежит из съестных припасов. И как-то мне легко стало, даже травмированные места перестали болеть, голова сделалась пустой, безболезненной.

Конечно, недорогая гостья спокойно могла подмешать в мою еду какую-то хрень, после которой вырубаешься, а когда очухался, то уже расфасован на органы и разложен по пакетикам, осталось только ценники наклеить. Но она могла это сделать и в

автомобиле. Впрочем, теперь у нее появилась опция – обчистить дом. Двойная прибыль. Или скажет, что прыснула мне в нос аэрозоль, отчего у меня внутри завелись мириады фуллереновых депо с нейротоксинами. Мол, распакуются через пять минут и превратят меня в кучу зеленого дерьма, если я не перечислю на указанный счёт пару миллионов зеленых.

– Так почему вы меня обокрали, женщина?

Она охотно заобъясняла, изобразив лицом виноватую улыбку:

– Я хотела вызвать по вашему мобильнику помощь, но он тоже оказался разбит, а деньги могли понадобиться, чтобы меня подбросили до ближайшего поста полиции. Потом я решила, что с полицией лучше не связываться. Они бы меня запросто повинтили.

Если прищурить глаза, то, благодаря рыжим кудрям, она кажется похожей на смущенную первоклассницу. Только сильно раздутую в размерах.

– Значит, есть за что. И, в итоге, вы меня оставили в беде.

– Нет, я вернулась к вашей машине, но вас там уже не было. Срулили куда-то.

– Умело разъяснили, как Штирлиц Мюллеру, не подкопаешься – был раньше такой эпический герой. А как вы узнали, где я живу?

– У вас достаточно приметный дом, господин Белкинс, о его расположении известно в сети. Блогеры писали, что он набит роботами. И что вы сожительствуете с андроидом, в смысле, с роботессой.

Ясно, освоилась. Начинает потихоньку борзеть.

– Не совсем так. Из андроидов – только привратник, и я техносексуализмом не страдаю. А жены нет, потому что не хочу держать в доме капризную дамочку с надутыми ягодицами и губами, как две оладьи, которых показывают в хрониках светской жизни. Кухню-автомат я, кстати, тоже отключил – стряпает она так себе, в отличие от вас. Это не к тому, что хочу взять вас на роль кухарки. Кроме меня тут не будет никаких живых существ.

– Не очень-то и надо. У меня работа есть, – не очень уверенным голосом отозвалась она.

– И какая, женщина? На вещевом рынке? Или я преукрасил? И у вас, так сказать, древнейшая профессия. А бывает больше десяти клиентов за ночь? – теперь можно считать, что я ей отомстил за хамство.

– Древнейшие профессии – это скотовод и земледелец. В каком-то смысле, я работаю со скотом. А вообще у меня техническое образование. А зовут Нина; я люблю, когда ко мне по имени обращаются.

– Вы, конечно, заглянули в папку, которую я притащил. О чем там вообще, технически подкованная медсестра Нина?

– Первая треть, господин Белкинс, описание EMO-множеств на языке «Парадокс». И параметры стимуляции эмоций, с использованием шкалы Трумана.

Так, подозрения усиливаются. Обычно дамы бальзаковского возраста любят рассуждать про привидения, знамения и прочую эзотерику.

– Понял, давным-давно вы посещали кружок «юный психотехник» при Доме пионеров. А вторая треть, в которую я еще не заглядывал?

– Вторая треть – документация о распределенных нейроинтерфейсах, которые попадают в организм человека, скажем, в виде геля и далее коагулируют в сеточку из углеродных нанотрубок. В программистском плане – это стек команд, которые инструктируют мозг, создавая искусственные нейронные соединения. Там даны таблицы низкоуровневых кодов, с помощью которых можно управлять этими нейроинтерфейсами. Плюс список их предустановленных функций, которые можно вызывать с пользовательской консоли.

Не может быть, чтобы эта мокрая кошара из-под забора могла различить в документации что-то такое. Я встал из-за стола и прошел в кабинет, где на столе лежала та самая папка. Гостья, как я и предполагал, двинулась за мной.

Эта спецификация сделана для гарнитур вроде «Сони Мадекс», которые были в ходу лет двадцать назад. Описан протокол нижнего уровня: сигнал со стороны излучающих элементов гарнитуры и ответные сигналы нейроинтерфейса. Код более высокого уровня, похоже, написан на языке «Голем» ранней версии. Никогда с этим языком не работал. Но его вроде создавали для управления андроидами.

– Я, кажется, улавливаю ход ваших мыслей, господин Белкинс. Только дополню, многое из написанного нынче совершенно устарело. Никакие гарнитуры сейчас не нужны, сети 6g цепляют даже самое мелкое интракорпоральное устройство. А программирование нейроинтерфейсов производится на языке «Синаптик», от «Голема» к нему перешли только матричные описания функций.

Моя рука почти автоматически протянулась к ящику стола, где лежит пистолет. Люди, знающие о работе распределенных нейроинтерфейсов, не мокнут у дороги, ожидая пока кто-то сердобольный подбросит их до родной хибарки.

Но дотянуться не получилось. Стул был из-под меня выбит, через положенный промежуток времени я лежал на полу, причем

пострадал мой ни в чем не повинный затылок, а на меня смотрел черный глазок моего собственного пистолета.

Незваная гостья-то была готова к моей реакции.

– Не ожидали, синьор Помидор? В дорогих борделях, которые вы любите посещать, женщины ведь так не реагируют. А я вот ожидала чего-то такого от вас. Фрустрации и так далее.

– Блин, и в борделях есть специалистки по БДСМ, вы из их числа? Женщина-кошка? Я вам подарю наряд из черного латекса, главное, чтоб на попе не треснул.

– Почему вы никогда не называете меня по имени? Это раздражает. Я – Нина, говорила уже, а не женщина-кошка или женщина-мышка. И ушей больших у меня нет, как у упомянутых персонажей.

Она теперь и поиздеваться может, многоходовочка завершена успешно. Покуражится и пристрелит. И я, кажется, догадываюсь, кто её подослал.

– Может, вы из тех, кто хочет отомстить мне за своих родственников, погибших из-за VR-сериалов?

– Это вы про что, Белкинс?

– Про эффект «отключения», когда из-за плохой работы широкополосного интернета, потребители оказались выброшены из VR-сериала в момент высокого эмоционального напряжения. И настолько не находили себе места в обычной беспонтовой реальности, что с разбега в окно и бац башкой об асфальт. Таких было, если честно, немало.

– Белкинс, я точно не из тех. Если голова как кастрюля и она варит лишь тогда, когда добрые дяди в нее что-нибудь кладут, то пусть раскалывается, не жалко. И думаю, ныне таких случаев почти нет, вы же сами знаете, спутниковые и стратосферные серверы обеспечат сетевыми услугами всегда и везде.

Я поднялся и оперся о стол, дуло пистолета по-прежнему поглядывало на меня. Плохой день и не думал кончаться, меня теперь вздули в собственном кабинете. Причем это сделала какая-то супербаба, как в низкопробном боевике. Но, в отличие от низкопробного боевика, она, внешне, не длинноногая блонда, а толстозадая кассирша из магазина.

Остается задать очередной вопрос из низкопробного боевика:

– На кого вы работаете?

– В данный момент на вас, Белкинс.

– И что вы от меня-то хотите?

Недавняя хохотушка стала наседать не хуже следователя.

– Вы должны сами захотеть, Белкинс. Вы нашли документацию, которая явно легла в основу того самого проекта, который вы позднее возглавили. Есть все основания считать, что в

этом проекте есть секретная часть, касающаяся нейроинтерфейсов, которая вам не известна.

– Да ничего я не должен захотеть, доминантная Нина. Какие-то бумажки, стилизованные под старину, которые вы мне подсунули при помощи своих дружков. И авария не воспринимается как случайная, дроны эти проклятые неспроста в глаза лезли…

– Сейчас изготовить такие документы практически невозможно. Пишущие машинки и игольчатые принтеры, давно сданные в утиль; допотопный язык, на котором сегодня никто не пишет программы; антикварные гарнитуры. И самое главное, там была правка рукой. Запустите на одном из ваших компьютеров программу-графолога и сверьте этот почерк с почерком вашего отца, сохранившимся, к примеру, на открытках со смешными стишками, которых он сочинял к вашему дню рождения.

Вон куда она клонит. Дескать, отец начал эти разработки 25 лет назад или даже раньше. И что он отдал их Передерию… когда Миша Шпильман уговорил меня вернуться из Мурманска и включиться в проект.

– Если это и почерк папы, то нет ни одного факта, свидетельствующего, что подобный проект был реализован. Даже если предположить, что кто-нибудь захотел его реализовать, то как технически осуществить, как запустить эти распределенные нейроинтерфейсы в миллионы пользователей?

Она ткнула меня дулом в лоб, я даже уловил запах смазки.

– А если немного напрячь кочерыжку, Белкинс? Можно запустить хоть с йогуртом из супермаркета. Или, так сказать, воздушно-капельным путём. С последующей коагуляцией наноэлементов в сетчатые структуры. Где помимо нейроинтерфейса будут чипы-контроллеры, чипы-накопители и так далее.

Если подумать, то, действительно, появляются некоторые сомнения. Почему в наших VR-проектах поведение пользователей описывается вовсе не стохастическими, а детерминистскими функциями, словно мы имеем однозначную реакцию на наше внушение.

– Въезжайте поскорей, Белкинс. Поведение реальных живых пользователей описывается примерно так же, как у компьютерных персонажей. И определяется с помощью стандартных вызываемых функций. А теперь просто свяжитесь с тем человеком, который у вас контролирует разработку программного обеспечения и задайте ему правильные вопросы.

Она меня конкретно прижала и это хуже, чем дуло моего пистолета, которое смотрит на меня пристальным взглядом.

– Хорошо, Нина, я свяжусь с этим человеком. А теперь положите мой пистолет в ящик и валите из моего дома.

– Конечно, господин Белкинс, как прикажете, – она вернула пистолет на место и двинула к выходу из кабинета. – Меня там выпустят внизу? Если что, я около входа полчасика покараулю. Если вы вдруг струхнете.

Я поднялся. Глядя, как удаляется ее колхозный зад, казалось чистым сюрреализмом, что его обладательница унизила меня и вообще пытается сломать мне жизнь.

Через минуту привратник мне сообщил, что гостья покинула мой дом. О, счастье. Всё, она сюда больше не попадет никогда! И при первом же её появлении, сдам в полицию. Так, теперь поспать хоть часиков пять. Надеюсь, приду в норму и смогу поработать над утроением Вдариуса и депрессняком у Колюпана. И этот плохой день, наконец, закончится.

Я добрался до кровати, но, несмотря на дикую усталость, сон не мог вползти в меня. Поворочавшись и покряхтев, принял снотворное и, наконец, отрубился. И вдруг открыл глаза. Зараза, я проспал всего час! Веки тяжелые и какие-то шершавые, но что-то выдавливает из меня сон. Эта ведьма мне в печенку залезла. Ладно, еще только полночь. Сейчас позвоню Шпильману, задам пару вопросов и потом буду спокойно почивать до утра.

На экране появилось не заспанное, но удивленное лицо Миши:

– Константин Никитич, вы мне последний раз звонили так поздно, когда сообщили, что взяли на эту работу.

– И как, она тебе нравится, эта работа?

– Не жалуюсь, шеф.

– Шикарно. А я жалуюсь. Похоже, я знаю не всё, что творится в моей команде.

– Шеф, вы имеете в виду служебные романы под компьютерным столом и гомосексуальные связи в туалете на втором этаже? Но сейчас это часть корпоративной культуры. И зачем вам такие подробности? – Миша заговорил потешным голосом а-ля тетя Соня.

– Ты мне, Миша, лучше расскажи про секретную часть проекта, касающуюся распределенных нейроинтерфейсов.

Вопрос попал по адресу. Ответом было напряженное молчание, переходящее в пыхтение.

– Так, Миша, я еду к тебе. И не вздумай срулить из дома, всё равно ж поймаю.

Плохой день не закончился в полночь. Ненормальность стала нормальностью и с этим придется жить. Конечно, лучше было бы поспать, но я стопудово не засну. Сейчас сделаю себе тазик кофе

и поеду.

И тут привратник доложил, что в дверь колотятся. Я вывел на экран то, что показывает камера наружного наблюдения. Опять это чертова Нина, мое персональное проклятие, мой толстозадый суккуб. Подключился к интеркому.

– Ну, что вам в аду не сидится?

– Белкинс, опасность, быстро из дома!

Не знаю почему, но я ей поверил. Вышел из дома и сделал двадцать шагов – точнее, вдвое больше, так как Нина с мощностью в пару лошадиных сил тащила меня за руку. А по моему дому проползла, многократно закрутившись, толстая огненная змея. Она выбила все окна, разнесла перекрытия, пробила стены. Раз и от дома остался горящий остов. А Нина вроде прикрыла меня от летящих осколков своим плащом, хотя взрывной волной нас прилично швырнуло, и моя голова на какое-то время даже застряла у нее между ног.

4. Шпильман

Пять минут назад я не знал, что такое по-настоящему плохой день. Теперь знаю. Что делают люди, когда их привычный мир взрывается? Дело не в том, насколько дорогой и обширной была моя недвижимость. Я мог бы обойтись в десять раз меньшей жилплощадью. Из бесчисленных квадратных метров особняка мне, в принципе, хватало только тех, где располагались унитаз, душ, чайник, койка и любимый стул из старой квартиры. Я никогда никого не приглашал в свой дом, чтобы не слышать завистливое: «Вау! Круто у тебя, чувак. Стена-аквариум, в которой плавают рыбки-бабочки – обалдеть. Окна переменной прозрачности – я торчу. Пол-ковёр, то мягкий, то твердый – описаться можно». Я не давал заданий кухне-автомату на приготовление фондю и фуа-гра, заказывая доставку пиццы с помощью дрона. Но это был мой мирок. И вот он лопнул, как стакан, едва не забрав меня с собой. И меня сейчас било то крупной, то мелкой дрожью, словно распрямлялись сотни ранее сжатых пружинок.

– Да ладно тебе, – утешала меня Нина, прижимая мою щеку к своему, честно говоря, утешительно мягкому бюсту; раньше от меня всегда требовали за это предварительно заплатить. – Сам же говорил, что имущество – не главное. Опять наживешь. Главное, что тебя хотели грохнуть, но не смогли. Это камикадзе-дрон сработал, я его засекла на подлёте. Едва ты выскочил, он пробил окно, распылил аэрозоль и устроил объемный взрыв. Если бы ты остался там, сто пудов, кранты.

– Послушайте, ничего такого не было, пока вы не нарисовались в моей жизни, – я оторвал себя от её мягких мест. – Только с вашим появлением на сцене и моя машина, и мой дом стали не главными. И кто вы, засекающая дроны, на самом деле? Не пора сказать? Из разведки восточной империи? Или что-то похуже?

– Как ты убедился, Белкинс, тебя всерьёз собрались грохнуть. Я представляю тех, кто этого не хочет.

И лицо у неё, как у сводни, которая намекает, что у неё есть наилучшая невеста для «ваших денег».

– Понятно, вы представляете какую-то контору на небе, третье облачко слева, которое посылает кое-кому на земле весточку, что он прожил свою жизнь зря, расходуя её на какую-то хрень. Ладно, поехали в одно место. В самом деле, пора поговорить с супер-дупер-программистом.

– Вместе мы не поедем, – неожиданно отрезала Нина. – Я

переключу внимание супостатов на себя. А ты, прогоревший миллионер, сейчас шуруешь к тому обсаженному розочками коттеджу, огибаешь его, и далее, к югу, на магистраль. Там маши купюрой, и точно кто-то остановится.

Она дала мне сотенку, которую наверняка позаимствовала из моего кошелька.

И я припустил, долго уговаривать не пришлось, привык её слушаться, что ли. Разок обернувшись, увидел, что Нина сдергивает с шеи нитку крупных бус и одним ловким движением забрасывает их в воздух. Не бусы это, а постановщик оптических и тепловых помех. Минут пять они будут меня прикрывать. Дронам-разведчикам и дронам-охотникам будет казаться, что я в количестве десяти штук разбегаюсь в разные стороны, а затем расплываюсь в бесформенные пятна. Что же эта Нина за существо такое, думал я, не забывая бежать. Этот вопрос занимал меня не меньше, чем загадочное желание неких темных сил вычеркнуть мое имя из списков живущих.

Крупной купюрой быстро приманил какого-то бомбилу, который всю дорогу раскаивался в своей жадности и посматривал на мою прожженную пижаму с ужасом, ожидая, что я со смехом перережу ему глотку.

А я по дороге вспоминал, как давным-давно вытащил Шпильмана с наркоманской хазы, потому что просила его мать, когда работавшая в одной школе с моей мамашей. Тогда за дозу он был готов уже торговать своей задницей. Немалое лет спустя он приехал за мной, когда я был очень далеко от Междуморья и передал предложение от Передерия. А у меня как раз случилось весьма травматическое переживание в Восточно-Сибирском море, когда я влетел башкой в иллюминатор ходовой рубки. А Передерий выкатывал большие деньги, статусную работу и всё такое. В общем, сделал предложение, от которого я не смог отказаться. Вскоре выяснилось, что и Миша вундеркиндом являлся не только в школе. Он сразу взял самую сложную тему – поддержание практической бесконечности виртуального мира, чтоб не было у него границы, в которую могла бы упереться пользовательская аватара.

Миша Шпильман поджидал меня возле дороги.

– И что с вами такое, Константин Никитич? Никогда вас таким потрепанным не видел.

– Ничего такого, только двадцать минут назад из меня должны были сделать яичницу с колбасой. Когда тебе сказали, что ты должен кое-что скрывать от меня? И кто сказал? Только не ври сейчас.

Он не стал долго мяться.

– Я подписал бессрочную бумагу о неразглашении. Разговор с большим боссом тоже был сразу.

– А согласно моему контракту я контролирую весь проект. Сейчас мы едем в штаб-квартиру Perederio Hearst и ты мне открываешь доступ в подсистему нейроинтерфейсов.

– Не надо бы так резко, Константин Никитич, – подвижное лицо Миши изобразило гамму чувств, от страха «ой, что будет» до гордости «я добился своего».

Но пришпорить пришлось.

– Ещё двадцать лет подождать предлагаешь, Мафусаилыч? Мол, или ишак сдохнет, или падишах. Я тебя взял на эту работу и ты мне должен, пока я жив.

Мы сели в его машину и я заметил, как Шпильман побледнел, совсем серый стал около глаз. Похоже, страх одолел все остальные чувства.

– Вы не сознаете, куда вы влезаете, Константин Никитич.

– Мне не влезать поздно, я убил на этот проект почти всю свою жизнь. Миша, не дрейфь, не грохнут же нас, мы в проекте центровые. И даже полицию не вызовут, ведь противозаконное делают они, а не мы. Если что, я твой шеф, и ты просто выполняешь мои указивки.

5. Передерий

Шпильман не молчал эти полчаса, пока ехали. Он тарахтел всё время, объясняя, почему не мог поступить иначе. Иначе бы просто исчез – «там такие люди командуют, которые с молодых ногтей привыкли безнаказанно убивать». Я понял, на совести этот груз у него хорошо полежал и изрядно ему надоел. И благодаря тарахтенью ему не так страшно. От Шпильмана я узнал, что меня взяли на роль генерального разработчика, поскольку это был единственный способ привязать моего отца. Ведь он занимался углеродными структурами и прочей наноэлектроникой, имплантируемой в нервную ткань человека, ещё тридцать лет назад – для лечения больных с нейродегенеративными заболеваниями вроде Альцгеймера.

Выбор у отца был невелик. Или сотрудничать с Передерием, обеспечивая мне прекрасную карьеру и светлую будущность. Или карьера моя внезапно закончится в яме с известью, а в прессу будет вброшено, что я работал на спецслужбу восточной империи, которая меня же и убрала. Отец, естественно, выбрал первое.

Потом случилась внезапная смерть папы от инсульта. Или «инсульта». Накануне он, кстати, звонил мне и звал в гости – поговорить… А ведь после моего возвращения мы почти с ним не общались по душам, лишь по делу, словно он боялся о чем-то проговориться.

Миша занимался реализацией функций, называемых «внушениями» и эмоциональных объектов, именуемых «реакциями». Создал для этого фреймворк, своего рода каркас, куда вставляются модули внушений по вызову того или иного типа человеческой реакции: воодушевления, радости, эйфории, страха, ненависти. Фишка была в том, что, ради стандартизации реакций, их записывали прямо в человеческую долгосрочную память, блокируя все прочие варианты. Отрезая, по сути, всё разнообразие реакций, связанных с личным опытом, семейными традициями, религиозными представлениями, психологическими особенностями.

– Да, Константин Никитич, мы шли от обычной проблемы программирования – слишком большого объема хранения данных. Допустим, мы создаем цифровой слепок какого-то индивидуума, набираем информацию по тому, как он реагирует на внешние раздражители, какие возможные ассоциации у него могут при этом возникать. Следом мы это структурируем, сериализуем и записываем на накопитель данных. В итоге, из какого-нибудь дурачка Виталика выходит том размером в пару

гигабайт. И у нас таких объектов несколько десятков миллионов.

– И что с того, Миша? Скорость считывания данных с VSSD-накопителей, как и передачи по оптоволоконным линиям – гигабайты в секунду.

Шпильман энергично помотал головой.

– Тогда было не как сейчас – вы, что, всё забыли, шеф? В те времена это означало, раз десериализация одного такого объекта длится несколько минут, то в пиковые моменты у нас каналы передачи данных будут забиты и процессы встанут. Значит, выход оставался один-единственный, упрощать.

– А почему не стали действовать в духе программ-подсказок, известных со времен мобильных телефонов, которые создают стандартный ответ на стандартный вопрос? Кликнул разок и не надо набирать длинное предложение.

У Миши аж глаз задёргался, наглядно показывая, как тяжело до меня доходит.

– Стали, Константин Никитич! Но вскоре оказалось, что многие пользователи недовольны. Мы им предлагаем, к примеру, стандартно повесить восточного варвара, взятого в плен – на сучок его и вперёд. А они хотят его расчленять, сжигать, засовывать ему в попу лопату. У нас это тогда называлось – решить «проблему садиста». А потом ещё «проблему насильника» – четверти клиентов требовалось разнообразное гетеросексуальное или гомосексуальное насилие, например, в завершение батальной сцены. Чем меньше обыватель может в реальности, тем гнуснее у него в башке… И вдруг всё чудесно решилось. Вам, кстати, тогда это не показалось странным?

Почему мне тогда это не показалось странным? Не помню. Может, я тогда подумал, что вопрос решился с помощью грамотного пиара.

– В общем, для типизированного садиста хватило базы данных на восемьдесят стандартных пыток, насильник удовлетворился тридцатью пятью видами безобразия, включая некрофилию и скотоложество. Это записано у него в голове, ничего лишнего. Причем, мы выбираем за него, какое безобразие он предпочтет.

Миша покивал, одобряя свою речь, и даже улыбнулся – получается, никто не ставил задачу специально компостировать мозги.

– Значит, как-то само получилось, миллионы пользователей взяли и стали идиотами. Это как в западных книжках пишут про истребление аборигенов. Мол, их снабжали библиями и дарили им штаны, а они вдруг отчего-то вымерли, – дежурно пожурил я Мишу.

Чего строить из себя прокурора, ведь я и сам мог заметить странности и нестыковки своим якобы зорким глазом, покопаться, попробовать выяснить. Но меня всё устраивало до сегодняшнего дня.

Мы остановились у проходной фирмы. Там как обычно болтался автомат, прозванный дядя Сэм из-за цилиндра, который заменял ему голову и длинных рук-манипуляторов, которые он тянул к вашему телу, выискивая металл. Еще он забавно двигал носом, туда-сюда, беря на пробу запахи. Но сейчас вслед за дядей Сэмом подвалил и охранник. Он, как и вся служба безопасности, был из компании G4S, той самой, которая охраняет в Африке золотые и колтановые прииски западных фирм от местных жителей, чтоб тем ничего не досталось.

– Цель вашего появления здесь в нерабочее время? – голос у охранника типичный, с бубнящим прононсом.

– Тебя, что, приятель, только что испекли? У меня нет рабочего и нерабочего времени, также и у господина Шпильмана. Пропуск круглосуточный.

– Я выполняю указания начальника службы безопасности, – пробубнил охранник, игрой желваков показывая обиду.

– Вот и выполнил. Поднимай шлагбаум, любезный. У нас работа горит, завтра сдаем пилотную серию нового проекта «Лесные братья». Будем резать, будем бить.

Охранник отреагировал без сочувствия.

– Хорошо, только завтра о вашем появлении в нерабочее время будет доложено начальнику службы безопасности.

– Напугал ежа голой задницей.

Мы поднялись в абсолютно прозрачном лифте, который всякий раз вызывал у меня неприятное ощущение невесомости, на пятый этаж, где нас встретили рыцарь Вдариус и гетман Кибадачный – увеличенные голографические логотипы наших VR-проектов.

Шпильман глубоко вздохнул, как будто собираясь нырнуть, и с виртуальной консоли открыл доступ в секретную подсистему. Я подключил в режиме консоли свои линзопроекторы. И увидел в дополненной реальности невероятную картину. Нейросхемы конкретных людей. Каналы, через которые идут внушения, типовые ответные реакции, с указанием их силы и спектра эмоций.

– А у тебя как с этим, Мишенька?

– Лично мне разрешили установить программно-аппаратную заглушку; понимали, что я это сделаю и без разрешения, – не без гордости отозвался Шпильман.

– Выведи-ка мою нейросхему.

Она оказалась какой-то кривобокой, что ли; сигналы явно шли не так, как у других.

– Константин Никитич, я не мог поставить вам втихаря такую же заглушку. Но я перепрограммировал установленного вам системного агента. Вообще он превращает внушения, идущие от основного процесса, в команды для вашего нейроинтерфейса, в том числе и обращения к памяти. После того, как я похимичил, они перестали попадать на стандартные страницы вашей памяти, и начали улетать, так сказать, куда попало. Это произошло 40 часов назад. В каком-то смысле, я восстановил вашу личность.

Ага, жизнь моя сорвалась в крутое пике не оттого, что у меня случилось просветление или озарение, а лишь потому, что добренький Миша дезорганизовал в моей нервной ткани работу нейроинтерфейса. Но, так или иначе, у меня сейчас нет времени морально страдать. Попробовать сообщить об этом в прессу? Только в нашем Междуморье она вся принадлежит Передерию и его коллегам по оболваниванию стада, а на Западе корпорации Hearst и другим подобным медиамагнатам. Переслать сообщение «восточным варварам» вообще не выйдет, поскольку закрыты все ведущие туда интернет-шлюзы.

– Миша, придумай что-нибудь, как это повторить на большом массиве пользователей.

– Вы затащили меня сюда, шеф, почти что силком, и теперь требуете, чтобы я придумывал за вас план действий, – пожурил Шпильман. Заметно, что он расслабился, когда занялся работой. – Чтобы перепрограммировать системного агента, который работает в каждом персональном чипе-контроллере – требуется много времени, это не вариант. Знаете, я сделаю так, чтобы основный сюжетный процесс рассинхронизировался с вызовом стандартных реакций. Внушение станет попадать на нейроинтерфейс пользователя с опозданием, а основной процесс не будет дожидаться реакции пользователя. В общем, и то, и другое будет происходить не в такт.

Не в склад, не в лад, поцелуй корову в зад. Однако очередное обновление сценариев и остального ПО должно было произойти в пять утра, через два часа. А работы – непочатый край.

Но уже через несколько секунд зазуммерила входная дверь. У нас чёртовы гости! Хотя на кодовый замок двери был установлен режим «не беспокоить», она непринужденно открылась. Внутрь тяжело протопал Передерий, а с ним трое человек охраны.

– Позвольте, я вас ненадолго оторву от работы, – голос босса был нарочито приторным. – Это чем вы заняты так увлеченно?

– Готовим завтрашнюю сдачу пилота, – отчитался Миша, который успел за секунду до того убрать с 3d-монитора схему

рассинхронизации процессов.

– Ответ неверный, – в руке Передерия показался пистолет. Я даже не успел в него поверить, как прозвучал глухой хлопок выстрела. И Миша рухнул на пол, брызнув струйками крови. На месте глаза у него была кровавая дыра, а из лица лезли подрагивающие спиральки кассетной пули. Я оказался в ступоре, но притом отметил, что у охранников босса ни один мускул не дрогнул – привыкли, значит, к таким штукам.

– Именно ты, Белкинс-младший, помог нафаршировать голову этого бздливого паренька железками. Ай, как нехорошо вышло.

У меня, наконец, прекратил бить колокол в голове: «Миша был – Миши нет».

– Вы что, совсем охренели, Передерий? Вы только что застрелили невооруженного человека. Думаете, это сойдет с рук? Да я вас под суд отдам.

– Конечно, сойдет, Костя. Произошло вторжение постороннего лица в частное владение с диверсионной целью, а законы Междуморья защищают священную частную собственность. Пропуск Шпильмана уже отменен вчерашней датой. Твой пока что нет. Поэтому ты жив-здоров. Или хочешь сказать, что это было нечестно из-за разницы в вооружении? Будь уверен, я бы прикончил Мишеньку голыми руками, как и тебя, кстати. Разве что понадобилось на это ещё секунд пять.

– И что ж медлите?

– Таких, как Шпильман много, не скажу, что пучок за пятачок, но найти можно, да и состарился он. Кому нужен обыкновенный предатель? Ты же у нас такой уникальный, Костя. И такой изменчивый. Сын интересного родителя, много сделавшего для нашей страны. Десять лет пробыл у москалей. Двадцать лет возглавлял проект, который помог нашему Междуморью укрепиться перед натиском москалей.

Передерий сделал паузу, словно добрый преподаватель, который дает возможность высказаться даже плохому ученику, но только я не мог оторвать взгляда от мертвого лица Шпильмана, из которого всё вылуплялись спиральки, отчего казалось, что он морщится.

– И вдруг ты опять заплутал, Костя. Прямо блудный сын. Но мы поможем тебе снова вернуться домой. Снова стать главой проекта, по которому впереди колоссальная работа. Теперь мы можем разрушить восточную империю с помощью наших VR-сериалов. Открою тебе секрет, успешно опробованы каналы по распространению у них нашей продукции. Вскоре у Междуморья появится много новых морей. Когда победим, купишь себе яхту и

на честно заработанную пенсию – по морям, по волнам. Только помоги нам разобраться, что произошло.

– А что там разбираться, господин Передерий? Я узнал то, что вы от меня скрывали.

– Скрывали, чтобы ты мог остаться чистюлей, а всю черную работу, необходимую для выживания нашей страны, сделали за тебя мы.

Я понял, пора. Передерий – рядом, два охранника фактически на прямой линии с ним и не могут стрелять по мне, от третьего я частично заслонен монитором.

Я врезал Передерию по руке клавиатурой. Пуля из выстрелившего пистолета ушла в пол, тут и я пробил своей головой боссу в лоб. У него башка мелкая, так что он оглушен побольше меня. Моя рука перехватывает его пистолет. Вырвать оружие не получается, он же здоровый кабан, сто кило мышц, но я направляю его пистолет на охранника, потом на другого и помогаю дважды нажать на спусковой крючок. У одного из тех дыра нарисовалась под кадыком, а спирали вылезли из шеи, второго разлохматило в районе живота. Третий выскочил из-за монитора, но боялся стрелять, чтоб не попасть в своего босса. А Передерий уже приходил в себя и пережимал меня, направляя ствол в мою сторону. Сила у него бычья, каждый день качает бицепсы-трицепсы, пока я на заднице мозоли натираю. Когда-то он начинал в частной охране у олигарха, затем командовал батальоном, который засветился убийствами мирняка в зоне боевых действий на востоке. Причем не брезговал «душить сепаров лично», о чем гордо рассказывал на корпоративных вечеринках после бутылки доброго Ballantine’s.

Я впился зубами в запястье Передерия, он с воем разжал руку и пистолет оказался у меня. Выстрел и третий охранник завалился, выпустив кровавое месиво изо рта. Следующий выстрел должен был покончить с Передерием. Я бы нафаршировал гада спиральками, но пистолет был выбит из моей руки. Дело в том, что у меня что-то заклинило в голове, сильно. Какое-то помутнение, следом отчуждение и от моего собственного тела, и от окружающего мира. Этого хватило, чтобы пропустить нокаутирующий удар.

6. Двойник

Когда очнулся, первым делом увидел большую кровавую соплю, вылетевшую из моего разбитого носа. Один глаз у меня, похоже, сильно заплыл. Кто-то, протащив меня по полу, усадил спиной к стене.

– Пора, красавица, проснись.

Мне вылили на голову стакан воды. И щелкнули этим стаканом по носу.

– Отчего-то вы местами покраснели и местами побледнели. Может, съели что-то не то, господин Белкинс? – сладким голосом спросил Передерий и похлопал по рукоятке пистолета. – Поздравляю, вы оказались богатырем. Троих бойцов у меня шутя замочили, теперь придется их списывать по графе «автокатастрофа», так же, как и Мишу. Прямо отличник боевой и политической подготовки; не зря вы у восточных варваров добрый десяток лет оттачивали навыки. – Его голос из приторно-сладкого мгновенно стал жестяным. – Вставай, поехали. Отвезем тебя в центр синаптического контроля, поковыряемся в твоей башке, чтобы узнать, какие там червяки внутри.

– Как же, встал. Иди своими шлюшками командуй, Передерий.

Не сработало.

– Ты теперь моя шлюшка, – Передерий изобразил воздушный поцелуй. А появившаяся пара жлобов, вывернув мне руки, протащила по полу, спустила на лифте и кинула в фургон для перевозки биоматериалов. Теперь мои руки были стянуты сзади клейкой пластиковой лентой. Рядом со мной село двое крепких сопровождающих. Впереди, рядом с водителем, был ещё кто-то. Машина тронулась.

– Пытаешься пробурить мне спину своим взглядом? – человек с переднего сиденья повернулся.

Я как будто увидел самого себя. Если это не сцена из фильма ужасов, тогда психическое отклонение, называемое деперсонализацией-дереализацией. Второе «я» совсем не собиралось исчезать и даже подмигнуло мне. А, может, мне подготовили замену – сратого оборотня?

– А, может, это мне попробовали подсунуть сратого оборотня? – словно прочитав мои мысли, отозвался двойник. – Кстати, в корейском технопарке Даедук отработаны технологии ускоренного клонирования с запрограммированным уровнем старения клеток.

Несколько лет назад проходила информация, что там одна

фирма сумела состарить шестимесячных кроликов до зрелого двухлетнего возраста. Так что нынче она могла и до человека дотянуться. Что мешает в искусственно состаренного клона загрузить фальшивую личность и закачать правдоподобные «воспоминания»? Я, кстати, про тебя говорю.

Никогда не думал, что моя собственная физиономия – взятая напрокат двойником – может быть настолько противной.

– Я, что, похож на кролика?

– Не надейся, любезный, ты похож на упитанную крысу. А будь ты настоящим Белкинсом, ты, в самом деле, ничего б не знал о закрытой части проекта? Да мы благодаря ей захватили рынок, в то время как сотни других стартапов, занимавшихся VR-сериалами, попрыгали и исчезли.

– От упитанной крысы и слышу. Отчего, кстати, у меня, а не у тебя, все кредитки и аусвайс? – задал я, как мне казалось, убийственный вопрос. Но оборотень оказался не лыком шит.

– Это хозяйство давно отзеркалено на мой персональный чип, и не требуется в вещественном виде. У тебя одни фальшивки, и дом ты мой захватил, когда я был в командировке.

– Ищи-свищи теперь «свой дом».

– Конечно, это не твой дом, – прочувствованно сказал оборотень и продолжил с интонациями актера из провинциального театра, которые притом являлись и моими интонациями. – Это у меня был отец, а ты инкубаторский. Ты не помнишь разговоров с папой, потому что у тебя их не было. Опыты, проводимые на гиппокампе обезьянки, куда папаша дорогой запускал густой метёлкой электроды, стали основой для разработки первого работоспособного нейроинтерфейса. Отец создал принципиальную схему для преобразования сигналов сервера в соответствующие возбуждения «пространственных» клеток в гиппокампе человеческого мозга, которые затем запечатлевались в долговременной памяти. Это было наше ноу-хау по переводу виртуальных событий в живые образы, становящиеся долговременными воспоминаниями. Человек запоминал то, чего с ним никогда не было, как то, что произошло именно с ним. Так было снято отчуждение между пользователем и его аватарой.

На лице оборотня заиграла улыбка всеведущего. Мне никогда в голову не приходило, что моя собственная улыбка может быть настолько отвратной. Так бы и врезал наотмашь по этим ухмыляющимся жирным губам.

– Гордишься, что Передерий отправил людей в «лучший мир»?

Оборотень в ответ хохотнул и взмахнул руками, как дирижер,

показывающий оркестру, чтоб играли «виваче».

– Именно! Лучший мир с лучшей судьбой. Человеку уже насрать, что в реале его жизнь проходит впустую, что ушла жена, что детей забрали и перепродали ювенальщики, что у него тяжелая болезнь, на лечение которой нет денег. Он преодолел кошмар, называемый реальностью. И ты преодолеешь, о моя дурная копия.

Словно подтверждая справедливость его слов, ко мне подошел некто в белом комбинезоне и я почувствовал укол в локтевом сгибе. Игла оказалась в моей вене, следом заработал насос капельницы.

Сонливость сразу поплыла по моим сосудам. Я понял, секунд 20-30 и мне станет всё равно, как не напрягайся и не матерись.

– Не бойся, тебя не расчленят, Костя номер два. У тебя прекрасное будущее, поздравляю, несмотря на то, что ты совершил ни много ни мало тройное убийство! – «приободрил» меня оборотень. – Продолжишь то, что ты умеешь – жрать, пить, испражняться. Лимбическая же система твоего мозга, производящая эмоции, будет подключена к компьютерному персонажу. Какому-нибудь дикому, вонючему, рыкающему аки зверь в ночи, к Колюпану, например. А, ты не в курсе? Компьютерные персонажи у нас имеют человеческие эмоции и переживания, хотя всё, что они могут совершить, однозначно прописано в сценарии. Пользователям приятно убивать и мучить того, кто по-настоящему страдает.

Да это ж как бесконечный кошмарный сон! Именно то самое: всё понимать и быть не в силах хоть что-либо изменить.

И тут в мои мрачные мысли вмешалась физика. Колеса фургона потеряли сцепление с дорогой, словно дорожное покрытие оказалось покрыто чем-то чрезвычайно скольким вроде нанослизи. Следом и направление инерции показало, что машина заваливается набок. Я рывком перевернулся на бок и подтянул ноги. Эх, были бы руки свободны. Но можно и так попробовать. Пнул, что было мочи, ближайшего охранника по голени. И оттолкнувшись от него, влетел головой в пузо ещё одного конвоира. Как раз и машина, встав снова на четыре колеса, сильно клюнула носом вниз – это мы явно плюхнулись в кювет. Моя трижды битая голова попала кому-то по затылку, что опять-таки было равнозначно нокдауну. В завершение моего акробатического этюда, заискрила задняя дверь фургона, затем дрогнула и распахнулась.

Нарисовалась пара темных фигур и послышалось три выстрела, в том числе два из оружия с глушителем – похожие на звук пробки, вылетающей из бутылки шампанского. После чего

какое-то бульканье и тишина. Внезапно я увидел лицо Нины. Сейчас ее улыбка мне показалась замечательно красивой, и я мгновенно заснул, как младенец у мамы на руках.

7. Возвращение

Когда проснулся, то почувствовал иглу в вене и что-то вроде электродов, которые были прилеплены к моему лбу и затылку. Голова гудела, словно в ней вился рой насекомых, а взгляд был расфокусирован.

– Когда это уже закончится? Отвяжитесь от меня, мать вашу, – запротестовал я.

Однако мои руки больше не склеены лентой. Я смахнул электроды и потянулся, чтобы вырвать иглу.

– Не дергайся, Белкинс, сейчас даём тебе бодрящий коктейль.

В самом деле, немного погодя гудение стихло и взгляд сфокусировался. Я в том самом фургоне. Помимо Нины разглядел четверых незнакомых парней в «жидкой броне» и экзоскелетах. Оружия с амуницией на них навешано было, как игрушек на елке, в том числе переносные пусковые установки для дронов и контрдронов. Всё, как надо в жизни, а не как в сериале, где у героя идеально подогнанная черная форма, расширяющая плечи и сужающая таз, плюс пистолет с бесконечным магазином.

– Э, солдафоны, нам точно по пути? Вам, наверное, пора в какую-нибудь горячую точку.

– Эти «солдафоны» спасли твой зад от глубокого проникновения враждебных сил, – напомнила Нина.

– Вот спасибо, жалко книксен не могу сделать. Я так понял, соколики, что вы из другой конторы.

– Так точно. Мы из дружины дядьки Черномора, – отозвался один из парней.

Да, чем лучше человек вооружен, тем больше ему хочется шутить.

– Донецкие, что ли? Впрочем, неважно. Мое дело – сдристнуть из Междуморья по-быстрому, чтобы быть подальше от Передерия.

– Не успеешь, он найдет тебя. Он увидит тебя глазами любого пользователя VR-проектов. Так что в твоем меню очень небольшой выбор, Белкинс, – придорожная Нина произнесла сакраментальную фразу со стальными нотками в голосе. – Если не хочешь, чтобы он добрался до тебя, то надо добраться до него. Периметр безопасности в штаб-квартире Perederio Hearst по-прежнему распознает тебя как своего. В общем, добро пожаловать в дружину.

Дружину каких-то чокнутых. Кажется, мне не выскочить из сценария, который для меня пишут другие.

– Перед совершением подвига хочу быть в курсе, кто из нас

настоящий. Я или тот?

Нина помотала головой, показывая, что знает гораздо больше, чем я.

– А ты, господин Белкинс, видел кого-то похожего на себя?

– Отчего такой ироничный тон, женщина с трассы? Не только видел, но и разговаривал. Кто из нас двоих клон? И где он сейчас?

– Мы грохнули пару охранников, и выбросили наружу вместе с водилой и кем-то вроде медработника – этих просто обездвижили. Но поверь мне, среди них не было ни одного смахивающего на тебя. Ни этого высоченного лба, ни отвисших щек. Наверное, ты просто видел свою копию в режиме дополненной реальности. Этот подарочек от Передерия ты, конечно, воспринимал как совершенно реального двойника, потому что он захватил твои сенсорные каналы.

Если так, это еще хуже. Значит, у Передерия по-прежнему доступ к моему нейроинтерфейсу, а его люди смогли открыть резервные точки доступа и загрузить мне чёртова двойника.

Нина вернула «электроды» на мою голову.

– Не снимай, они физически блокируют доступ к твоему нейроинтерфейсу и пока что дурят серверы Perederio Hearst, имитируя «правильные» ответы на их вызовы.

Наверное, не стоит спрашивать, полезно ли для моего здоровья «физическое блокирование» нейроинтерфейса. Тем более, что мы подъехали, и хорошо, что я хотя бы могу держаться на ногах. Мои цифровые ключи, в самом деле, не были отменены, поскольку Передерий никак не ожидал моего скорого возвращения. Мы миновали внешний периметр и вошли в задание. Дружина, идя за мной, оперативно подчищала охрану. Я слышал щелчки, это говорило бесшумное оружие, и глухой стук падающих тел. А в отделе разработки мы встретились с большим боссом.

Далее картина «Не ждали». Но надо отдать Передерию должное – мастерство не пропьешь.

Босс и пара его охранников не стали быковать. Они укрылись за стойками спинтронных накопителей данных, считая, что мы не будет стрелять по этому хозяйству. Однако забыли одну вещь, что снаружи, через климат-контроль, можно было понизить температуру помещения градусов на тридцать. Так что оставалось только выйти и заблокировать дверь. Времени у нас было не густо. Но те сломались раньше.

Задубевших охранников можно было теперь отключить ударом приклада в лоб.

А Передерий – черт знает, откуда брал он энергию для

обогрева, пердячего пара, что ли много – попытался удрать и получил кассетную пулю между лопаток. И это было весьма неаппетитное зрелище. Спирали разорвали даже его брюки, туго натянутые на заду – он подражал в дресс-коде рыцарю Вдариусу.

Собственно, Передерий не был нужен. Коды доступа в подсистему нейроинтерфейсов Нина имела от Миши.

Тем временем, спецназ Службы безопасности Междуморья окружил здание. Но и дружина чокнутых заняла хорошие позиции, их дроны контролировали местность вокруг. Однако, рассчитывать, что они долго продержатся, не приходилось. Пусть ребята были неплохо затарены, их амуниции хватило б максимум на полчаса интенсивного стрелкового боя.

Сейчас никаких экранов и клавиатур, вход в систему только через киберпространственный адаптер с полным вовлечением органов чувств. Я воткнул нейроконнектор в разъем на пятом шейном позвонке. Проверил соединение. И дал полный газ.

С полминуты меня как будто крутит вокруг нескольких осей, вроде бачка с мусором, брошенного за борт в штормящее море. Через реестр имён получать доступ к каждому пользователю и переопределять его реакции – это я, конечно, не успевал. Через какие-то полчаса у всех пользователей произойдет обновление сценариев и прочего ПО. Получается, времени хватит лишь на то, чтобы радикально изменить харизмы персонажей.

Первым делом я выбрал узел сценария, в котором Вдариус, замочив очередную порцию восточных варваров, спасает от поругания толпу девиц Междуморья, полдюжины из которых затем участвует в соитии с ним.

Изменил световые эффекты, отчего физиономия Вдариуса сразу сделалась спесивой и злобной, а девицы напоминали уже потасканных «жриц любви» с толстым слоем штукатурки на пропитых будках. Добавил грязи и негативного звукового сопровождения, включая громовой пук героя в разгар любовной сцены, что сопровождалось визгливым смехом потаскух. И романтическая встреча стала смахивать на возню в свинарнике.

Перекинул это описание на все аналогичные узлы сценария.

А гетман Кибадачный, обзаведясь свищом на носу, принялся радостно слизывать кровь с расчлененных им трупов и гоняться с топором за селянами в подожженной им деревне. Его хлопцы теперь с утробными звуками тащили всё, что плохо лежит, отчего их густо облепили перья от кур и подушек. А самогон, бьющий в голову, заставлял их регулярно нырять рылом в грязь.

И это описание также расширил на все аналогичные узлы сценария.

Для пользователей, имеющих запаховый интерфейс,

находиться в образе Вдариуса или гетмана будет невыносимо из-за вони, которую будет испускать эти герои и все их соратники.

Теперь отрицательная харизма протагонистов должна заставлять пользователей проскакивать с отвращением узлы сценария, где на них должны были подействовать типовые внушения.

Размахивая руками, я свожу и развожу стрелочки сюжетов и кружочки личных качеств у персонажей, которых насыщаю негативно-темным содержанием. У рыцаря Вдариуса в подвале гниют кости его соперников, а в клетках сидят пока живые и обмазанные нечистотами родственники, ранее претендовавшие на жилплощадь в виде замка. В пыточной камере поджаривают пятки его недовольным голодным крестьянам, ударно ломают кости и рвут суставы пленным с помощью колеса. Все свои победы над восточными варварами он одержал с помощью коварства и жестокости, разоряя их села и нивы, захватывая в заложники детей и женщин. А что, на настоящих рыцарей из Тевтонского ордена вполне смахивает.

Гетман Кибадачный – глава жадных наемников, грабящий и своих, и чужих, сжигающий непокорные городки и хватающий людей в рабство, чтобы продать их затем кочевникам. Теперь он похож на некоторых деятелей эпохи Руины.

А варвар Колюпан перестанет рычать, насиловать пленных блондинок, вырывать и пожирать сердца аки дикий зверь. Обзаведется приятной внешностью, высокими задачами и обширной трудовой биографией по защите сел и нив от нападений Вдариуса.

Но едва я взялся за «лесных братьев», как меня вытряхнули из киберпространства. Когда это резко, то всегда очень неприятно. После того пара минут полного обалдения, как будто по голове двинули мешком с картошкой.

Нина говорит мне, что мое киберпространственное расширение было атаковано, причем не снаружи, а изнутри. Значит, чёртов двойник сопротивляется. И всего пятнадцать минут до обновления программного обеспечения.

Нина «упаковывает» меня в кибероболочку, которая является далеким потомком хакерского объектного сталкера, умеющего «на лету» добывать ссылки на любой цифровой объект. Мне остался единственный вариант действий, наиболее агрессивный.

Вначале было ощущение, что я несусь на роликовых коньках со скоростью ста километров час по вымазанной соплями дороге. Я прыгаю с одного сервера на другой и ловлю ссылки на сюжеты. Влетаю в них, забрасывая туда «зубы дракона» – случайные сценарии, способные прорастать на любом сеттинге. Это, по сути,

маленькие искины, которые способны подстраиваться под любой сюжет и подчинять его себе…

Люди из Службы Безопасности пока не смогли пройти дальше вестибюля. Четверо из них легло там, и их оружие и амуниция стали трофеем для ребят из дружины Черномора. На первом этаже не было больших окон, только узкие, вроде бойниц, удобные для обороны, да и на двести метров вокруг относительно пустое пространство, с гранатометом незаметно не подкрадешься.

Дружина засекла «цели», для которых мы сами являлись законной целью. Противники вызвали ударный дрон, который выпустил три ракеты. Дружинники, в ответ, запустили контрдроны, создающие тепловые пятна с сигнатурами-обманками. Я, конечно, не слышал, как они там играют в пятнашки, но услышал три подрыва, значит, три вражеские ракеты приняли пятна за цели.

Завершающей моей командой для всех системных агентов у всех пользователей, имеющихся в реестре имен, было прекратить прием дальнейших команд.

Эту заглушку, конечно, можно преодолеть, только потребуется индивидуальная переустановка системного агента у каждого из миллионов пользователей. Что должно занять пару месяцев, как минимум.

Когда пошло обновление сценариев и остального ПО по всей цепочке серверов, Служба Безопасности прислала пообщаться с нами камикадзе-дрон. И тот, сука, оказался изворотливым.

8. После возвращения

Он вышел из больницы через тридцать дней, куда попал с черепно-мозговой травмой и контузией. Он брел по улице, где смрадно горели покрышки и слышался звон сокрушаемых витрин. Мимо него проносились машины с полицией – стражи порядка удирали из города. А вчера президент Превращкий сбежал на Мальдивы. Междуморье, «созданное на века объединение свободных граждан» заканчивалось, потому что слишком много людей покинули разом VR-сериалы, сияющие замки и позолоченные доспехи рыцарей. И оказались в никчемном сером мире, который им шибко не понравился, вызывая дурноту, тоску и ненависть. Который они принялись самозабвенно крушить.

Рядом остановилась машина.

– Садись, ходок, – бодро донеслось с водительского места.

Он опасливо глянул в салон, внутри только рыжая лохматая водительница.

Когда он оказался на соседнем сидении рядом с автодамой, то сказал:

– Вы окликнули меня так, словно мы знакомы. Вы, наверное, как-то убирали у меня в доме.

– Почти угадали, Белкинс. Я прибираюсь в мозгах.

По-хорошему, сейчас надо было выйти из машины, но сил не было и на это.

– Ясно. Вы из компании того оборотня, который уничтожил лучшие VR-проекты Междуморья.

Собеседница не стала отпираться.

– Конечно, из компании. Только этим оборотнем были вы сами. Так что расслабьтесь.

– А я считаю иначе. Тому типу – не знаю, из какой жопы он вылез – сбросили цифровой слепок моей личности вместе с архивом как бы моих воспоминаний, которые были сконструированы подлюкой Шпильманом.

– Шишку на голове вы заработали при автомобильной аварии – когда были именно тем типом. А синеву на оба глаза вам прислал ныне покойный Передерий. Кстати, он победил в драке нечестно. Вы и были тем самым злодеем, который нейтрализовал лучшие VR-проекты от «Вдариуса» до «Лесных братьев».

– Похваляетесь тем, что временно взяли меня под контроль?

– Всё было тоньше. Шпильман сформировал для вас «личность-2», информационный объект, который удалось незаметно загрузить и быстро активизировать. Но теперь вы снова «личность-1», так как сделанная наспех «личность-2» оказалась

неустойчивой и финализировалась. «Личность-1» была сформирована Передерием и полностью устраивала хозяев. Но проблема в том, что хозяев больше нет. У вас есть только мы.

И хотя инстинкт самосохранения кричал под сводом его черепа: «Немедленно выйди из машины», он поинтересовался:

– Почему вы не обошлись Шпильманом для проведения своей подрывной деятельности?

– Потому что довести дело до конца могли только вы, Миша был всего лишь кодером.

– Вы представляете разведку восточного соседа, так ведь?

– Я представляю вашу совесть, господин Белкинс.

Она перекинула ему брелок.

– Нейроконнектор. Даёт удаленный доступ к разработкам VR-сериалов. И он как будто ваш, надо только вставить в разъем.

Он коснулся брелка, на котором сразу зажегся зеленый огонек.

– Устройство узнаёт вас по биометрии, как собачка, – одобрительно заметила рыжая. – Что ж, пора плотно поработать, Костя номер один.

– Над чем еще? Вы уже наработали так, что Междуморью полный капец.

– Надо исполнять мечту, соединять персонаж и разработчика. У вас, кстати, нет выбора. Если вы не забыли, лишь исполнение пользовательскими нейроинтерфейсами особой программы защиты позволяет обманывать иммунную систему организма. В противном случае, иммунитет набрасывается на них, как на инородное тело. Далее обширное воспаление мозга и законный летальный исход. Увы, это никакая не виртуалка, а физическая реальность. Действие соглашения между производителями этой защитной программы и фирмой Perederio Hearst прекращено, поскольку перестали поступать лицензионные платежи.

– Вы хотите сказать, что…

– Кто сейчас бегает с воплями по улицам, считай, мертвы – ведь эта программа отключена. Вы можете стать счастливым исключением. Мы знаем, как её крякнуть…

В этот момент Белкинс рванул руль на себя с криком: «Ты не поимеешь меня, сука» и машина выехала на встречную. Но он увидел перед собой точно такую же легковушку и как будто самого себя на переднем сидении, с искаженным лицом. И выпустил руль.

Белкинс услышал, как Нина уводит машину с встречной полосы, и идущий по ней здоровенный трейлер только ударил по ушам звуковой волной. Потом почувствовал, как железная рука андроида вставляет ему нейроконнектор в разъем около пятого

шейного позвонка.

9. Дело было в VR

Василий Колюпан сын Иванов добродушно похлопал свою лошадку по шее и въехал на муравчатый пригорок. За ним остались просторы родной земли, которую теперь не надо было защищать от супостата Вдариуса. Много годовых циклов подряд этот окаянный жёг и насильствовал безмерно, отчего жители родной земли прятались в густых лесах и жили в скудости с того, что дарила им чаща и небольшие лесные делянки. У врага была и сталь звенящая, и невероятная удачливость, и магия. А у родовичей только «зона рискованного земледелия», короткое лето, длинная зима. И ничего, кроме дерева, для орудий и строительства. Вражескому острому мечу могли они противопоставить разве что рогатину.

И только в последний цикл, когда в пространстве судьбы вдруг появились случайные сценарии, родовичам удалось выйти к плодородным речным поймам. На днях удалось догнать Вдариуса, когда он, разграбив пять деревень, взяв обильный полон и добычу, возвращался в свое логовище. Рыцаря-разбойника смогли настигнуть, поскольку селяне успели собрать в житницы много зерна, и лошадям хватало корма, их крупы лоснились. А купцы привезли много крицы, которую обменяли на зерно и золотые находки, выкопанные из древних курганов, так что местные кузницы работали с утра до вечера. Теперь каждая лошадь была подкована и каждому воину выкована кольчуга и мечи, прямой обоюдоострый, и изогнутый, с полуторной заточкой. И наконечники для стрел сделаны: широкие, тяжелые и плоские для пробития рыцарских лат и узкие круглые, чтобы поражать легко вооруженных кнехтов.

Перехватили Вдариуса на переправе через реку Тесну. Всем пришлось спешиться, резались по пояс в воде, силен был враг, много наших посёк, словно колосья в страду. Но, в итоге, сразил Колюпан супостата, попав копьем ровно в щель забрала и через хищный глаз проткнув его коварный мозг. Сникли вражеские наймиты, лишившись своего предводителя, потеряли кураж и метались без толку под мечами и топорами родовичей. И тело рыцаря-разбойника, вслед за сотнями его умерщвленных наймитов, уплыло вниз по течению, кормить рыб. Его плащ с гербом, изображающим скачущего на разбой всадника, теперь служил потником коню Василия. А родовичи, переодевшись в одежды и доспехи наймитов, проникли в замок Вдариуса, освободили оставшихся в живых пленников и повесили присных рыцаря-разбойника на воротах. Так закончилась история

Вдариуса, который войдет в сказания под именем Бездариус.

Василий кинул взгляд вдаль, расширил его за горизонт с помощью техномагической функции, которая вчера не была доступна даже в мечтах. И увидел войско гетмана Кибадачного, растянувшееся черной змеей в долине. И находящиеся на высотах засадные отряды родовичей, которые нападут именно тогда, когда вражеское войско окажется в самом узком месте. Вражеские дозоры уже вырезаны и нападение будет внезапным. Каждому ратнику даны веревки длинные – спускаться со скал, арканить и вязать недругов. Заглядывая в будущее, знал уже Василий, что не выйдет вражеское войско из ущелья. А взятый в плен гетман, получив прозвище Бардачный, станет в шутовском колпаке скоромошничать на пирах у родовичей.

Взгляд Василия летел дальше и дальше, превращая весь мир в огромный пузырь, на стенки которого проецировались другие миры. И начертал он в воздухе огненные буквы на языке «Синаптик»:

Interface Belkins { Mars = new Model(); initialize Mars; Mars.create(new Trip())}.

И долина перед Василием вдруг покрылась плитами углепластика, потом стали появляться стартовые столы для вертикального взлета, следом пошли прорисовываться серебристые ракеты, затянутые облачками охлаждающего аэрозоля…